

Часть 1

Они начали практиковать поход в школу со следующего дня, воскресенья 23 Ноября. Каким-то образом у них осталась лишь неделя в этом месяце. Конец года стремительно приближался.

Была причина того, почему они начали практиковаться в воскресенье, когда не было никаких уроков. Дорога кишит студентами в будние дни, но сегодня здесь было гораздо меньше посторонних глаз, что облегчало ментальный груз Каэдэ. Мивако предложила тренироваться примерно в это время. Также Каэдэ сама очень хотела начать тренировки как можно раньше. Она так сильно горела этим, что пришла будить Сакуту уже в школьной форме этим утром. Это зрелище помогло Сакуте побороть желание поспать подольше, и он встал. Каэдэ все еще не могла выходить на улицу одна и идти до школы, так что Сакуте нужно было помогать ей практиковаться.

После того, как они закончили завтрак, Сакута тоже переоделся. Затем они отправились. Лифт спустил их на первый этаж, где они переступили порог здания и вышли на улицу. Пока что никаких проблем.

Ладно, иногда Каэдэ особенно переживала из-за других людей. Каждый раз, когда она слышала голос или шум, она замирала и настораживалась, словно бродячая кошка. Хотя это не сильно отличалось от обычного поведения Каэдэ, так что он не сильно беспокоился на этот счет. Ей просто нужно со временем привыкнуть к таким вещам. Чем более обыденным делом станет выход наружу, тем проще ей будет. Им просто нужно набраться терпения.

— Приступим?

— Хорошо.

Они вышли из здания и отправились в сторону средней школы. Это было обычное утро воскресенья. Раннее время, всего девять утра. И со скорым приближением зимы, воздух был прохладным. А в тени и вовсе казалось, что температура тела стремительно падает.

Как бы ни был холоден воздух, район казался уютным и расслабленным. Полное лени воскресенье. Из-за отсутствия людей, спешащих на работу или в школу, даже знакомые улицы выглядели по-другому.

Не торопясь, они медленно шли к школе Каэдэ. Она была еще далеко, еще не видна, но каждый шаг Каэдэ приближал ее к ней. И это приближение было ощутимо. Каэдэ никогда не шагала быстро, но она уверенно продвигалась вперед. Она замирала, когда мимо них проезжала машина, но без особых проблем дошла до первого поворота. Однако там она уперлась в кирпичную стену.

На перекрестке они столкнулись с несколькими ученицами, идущими справа от них. Две из них были одеты в такую же форму, как и Каэдэ. У них были с собой ракетки - слишком маленькие,

чтобы быть теннисными. Вероятно, члены команды по бадминтону, вышедшие на тренировку.

Они обе посмотрели на Каэдэ. Их взгляды встретились.

— !

Каэдэ выпрямилась. Она стала жесткой, как доска. Ни одна из девочек, кажется, ничего не заметила. Они прошли мимо Сакуты и Каэдэ и продолжили путь к школе.

В воздухе висела веселая атмосфера, девочки болтали о том, что они видели по телевизору накануне вечером. Их смех, казалось, напугал Каэдэ, и она спряталась за Сакуту. Она крепко ухватилась за его одежду, и он почувствовал, как дрожат ее руки.

— Они не над тобой смеются, Каэдэ.

— Точно?

— Если ты считаешь, что заставить людей смеяться так легко, то ты ужасно ошибаешься.

— П-путь к величию в комедии усыпан шипами!

Каэдэ высунула голову из-за его спины, глядя вслед паре девушек. Они были уже довольно далеко. Каэдэ перестала дрожать, но нервы у нее явно сдали. Она почти скрючилась. Не похоже было, чтобы она собиралась идти дальше.

До дома было около ста метров. Еще восемь-девять сотен до школы. Цель казалась очень далекой.

Но Сакута решил, что для одного дня практики достаточно. Он обернулся и посмотрел на Каэдэ. На коже ее бедер, под подолом юбки, виднелся слабый синяк. Его не было, когда они уходили.

— Хорошая работа сегодня, — сказал он, — Пойдем домой и съедим немного пудинга.

Они действительно продвинулись дальше, чем он ожидал для первого дня тренировок. Он подумал, что она перехочет прямо у их здания.

— Я не хочу пока останавливаться! — сказала она.

Но ее руки, сжимающие его плечи, снова начали дрожать. Она явно заставляла себя. И он чувствовал, что синяк на ее бедре становится все темнее, будто подпитываемый ее страхами.

— Тогда давай сделаем еще один шаг, — сказал он с уважением к ее решимости.

— Хорошо! — ответила Каэдэ, немного нервничая.

Но, несмотря на свои слова, Каэдэ не сделала ни шагу. Они подождали пять минут, потом десять... но в тот день ей это так и не удалось.

Часть 2

На следующее утро был понедельник, 24 ноября. Он проснулся раньше обычного, в шесть тридцать. Невыносимо рано для Сакуты. Это было не для здоровья или чего-то типа того. Он сделал это для того, чтобы помочь Каэдэ с практикой похода в школу.

Если бы они пошли в обычное время, дороги были бы забиты учениками. Они обсудили это вчера вечером и решили идти раньше, как будто она собиралась на утреннюю тренировку команды или клуба.

К тому же, если бы они тренировались, как обычно, по выходным, Сакута не успевал бы в школу вовремя. Он был не против прогуливать школу несколько дней подряд, но Каэдэ возражала, поэтому они вставали рано.

— Ты должен ходить в школу и учиться! — говорила Каэдэ, — Ты должен учиться в том же университете, что и Май!

Сакута был полностью с ней согласен. Кто знал, какое наказание ждет его в случае неудачи?

Их первая утренняя тренировка началась хорошо, как и накануне. Но это было лишь началом. Ноги Каэдэ остановились на том же самом месте, что и в прошлый раз.

Первый перекресток от их квартиры. И снова они столкнулись с учениками в ее форме. На этот раз это были трое мальчиков со стрижками. Прически выдавали в них членов бейсбольной команды. Все трое зависали в телефонах, играя в какую-то головоломку.

Каким-то образом они шли в школу, играли в игру и одновременно говорили о домашнем задании. Каэдэ наблюдала за ними из-за телефонного столба. Ее колени подкосились, но она все еще была полна сил.

— Я-я могу идти дальше! — сказала она, прежде чем Сакута успел предложить ей повернуть назад.

Ее голос дрожал, и она выглядела довольно бледной. Она явно заставляла себя. На икре от носков поднимался синяк. Неприятный, темный, словно змея, обвившаяся вокруг ее ноги.

Трудно было, глядя на это, сказать: "Конечно, давай продолжим". Чего бы ни хотела сама Каэдэ, работа Сакуты заключалась в том, чтобы не дать ей зайти слишком далеко.

— Мне пора в школу, — сказал он, — Может, на этом закончим?

— Хорошо. Я не хочу, чтобы ты опоздал.

То же самое произошло и на следующий день. Среда, 26 ноября. Все утро Каэдэ вела себя странно. Даже когда они только проснулись, она казалась погруженной в свои мысли и не реагировала, когда Сакута обращался к ней.

Он приготовил яичницу, которая была ее любимым блюдом, но она ела ее молча. Никаких возгласов "Так вкусно! Мне кажется, что мои щеки сейчас отвалятся!". Что же случилось?

— ...

Она переоделась в свою форму и надела туфли, более напряженная, чем обычно.

— Каэдэ? — спросил он, когда они ехали в лифте вниз.

Она не ответила.

— Земля вызывает Каэдэ.

— Д-да? В чем дело?

— Что-то случилось?

— Я приняла решение. Сегодня я проделаю весь путь до школьных ворот!

Она вдруг заулыбалась. Это не было ответом на его вопрос, но их разговоры часто были немного разрозненными. В этом не было ничего необычного. Просто... на этот раз в игру вступило множество факторов, и все они были переплетены вместе, так что трудно было принять это за ее обычное дурацкое очарование.

— Я готова идти! — объявила она.

Но за улыбкой Сакута почувствовал напряжение. Почти что панику.

— Не нужно торопиться.

— Я не тороплюсь!

Она заставила себя улыбнуться и возразила ему, но он мог сказать, что это было не совсем настоящей улыбкой. Когда их глаза встретились, она отстранилась от его взгляда и повесила голову.

— ...Я иду в школу, — прошептала она. Ее руки крепко сжимали юбку. Как будто она едва держалась.

— Мисс Томобе сказала, чтобы ты не торопилась.

— ... — что-то пробормотала Каэдэ, но он не смог разобрать.

— Каэдэ?

— ...Этого недостаточно.

На этот раз он едва расслышал. Ее голос дрожал. Но в нем чувствовалась сила, ясность цели. Но это показалось ему неправильным. Это заставляло его волноваться.

— Разве?

— ...

Никакого ответа. Двери лифта открылись прежде, чем они успели произнести хоть слово. Звон нарушил тишину.

Сакута не выходил. Он чувствовал, что сегодня им не стоит практиковаться. Не стоило и пробовать, если при этом она будет так выглядеть. Принуждение было запрещено. Мивако так и сказала. Заставляя себя стараться, она только укрепит в мысли, что ходить в школу трудно, а это как раз то, чего они не хотели. Если она вдолбит себе в голову, что у нее ничего не получится, пройдет много времени, прежде чем она будет готова попробовать снова.

Так сказала ему Мивако. В этом был весь смысл. Если ты собрал все свое мужество и очень старался, но все закончилось неудачей, как ты сможешь заставить себя попробовать еще раз? Сдаться было гораздо проще.

— Каэдэ, давай не сегодня.

Он нажал на кнопку, чтобы закрыть двери. Но как только он это сделал, кто-то промчался мимо него. Каэдэ выскочила из лифта.

— Каэдэ!

Сакута бросился между закрывающимися дверями, зовя ее за собой.

Но Каэдэ не обернулась. Она направилась к главному входу, но не очень уверенно держалась на ногах. Она споткнулась и чуть не упала, но, выставив руки на плитку, поднялась. Не оглядываясь на него, она вышла из здания.

— Каэдэ! — снова крикнул он, поспешив за ней, — Подожди, Каэдэ!

Он был довольно громким, совершенно забыв о том, что сейчас раннее утро. Его голос эхом разносился по всей улице. Но Каэдэ просто продолжала идти. Она бежала по дороге в школу, а ее ноги то и дело болтались из стороны в сторону. Она была не очень быстра. Сакута легко догнал ее. Он схватил ее за запястье.

— Ты не должна заставлять себя, — сказал он.

— Должна! — она резко ответила, уже запыхавшись, — У меня нет времени прохладиться!

Она подняла голову и посмотрела ему прямо в глаза. Взгляд ничуть не дрогнул. Взгляд со слезами на глазах. Он никогда не видел ее такой. И никогда не слышал, чтобы ее голос звучал так надрывно. Но не это удивило его больше всего. А ее слова.

Каэдэ знала. Она понимала, в какой ситуации оказалась. Она прекрасно понимала, что времени у нее в обрез. И как только Сакута понял это, хват его руки ослаб. Он отпустил запястье Каэдэ.

Каэдэ повернулась, чтобы снова убежать. Нет - она бежала в сторону школы.

— Значит, она все это время знала, — пробормотал он, глядя, как она пошатывается.

Ее слова и действия ясно говорили об этом. Осознание этого потрясло его до глубины души. Его голова закружилась, пока он пытался решить, что же делать. Он глубоко задумался, его тело замерло. Мозг не отдавал никаких приказов.

Но это длилось лишь мгновение. Он оторвал ноги от тротуара. Как только он сделал первый шаг, дальше действовать было проще. Тело и душа устремились за Каэдэ. И тут его мысли догнали его - вернее, он решил, что думать об этом бессмысленно.

Впереди него Каэдэ резко остановилась. На том самом перекрестке, на котором она всегда застревала. Девушка в форме переходила улицу прямо перед ней.

Должно быть, их взгляды встретились. Каэдэ повесила голову и отошла к краю дорожки, спрятавшись за телефонным столбом. Она присела, все еще задыхаясь от бега. Ее плечи вздымались.

Но через мгновение она поднялась на ноги, словно выжимала из себя все силы. Даже поднявшись на ноги, ее тело отказывалось сделать еще один шаг вперед.

— Почему... Почему?..

Когда Сакута подошел ближе, он услышал ее шепот, ее голос дрожал.

— Почему я не могу сделать это?

Она била по своим бедрам, колотила по ним. Сакута догнал и схватил ее за руки, остановив это. На ее бедрах были огромные синяки в тех местах, где она била себя. И фиолетовые пятна на руках. Это было не от силы ударов, а от «Подросткового синдрома». На это было больно смотреть.

— Почему... Почему?.. Я хочу в школу! Почему я не могу?

По ее лицу катились огромные слезы. Она смотрела вниз на свои ноги, как бы упрекая собственное тело.

—Почему, почему, почему?!

К кому она обращалась? К самой себе? К другой себе глубоко внутри? А может к обеим.

— Каэдэ, — вмешался он.

Она не смотрела на него.

— Я не вернусь, — сказала она со всхлипом.

Она обхватила руками телефонный столб.

— Я не вернусь, — повторила она, как упрямый ребенок. — Я буду тренироваться, пока не доберусь до школы.

На ее лице смешались слезы и сопли.

— Я должна тренироваться!..

— Я знаю.

Он заставил свой голос звучать так, как всегда. Это не был ответ, который он подготовил. Это был ответ, который он нашел, наблюдая за ее страданиями. Он не знал, правильное ли это решение. Он не мог быть уверен, но вместо того, чтобы тратить время на размышления об ответе, он решил потратить все свое время на то, чтобы довести дело до конца.

— Я знаю, — повторил он.

Плечи Каэдэ дернулись.

— Я сделаю так, что ты сможешь ходить в школу.

— Ты сможешь? — спросила Каэдэ, наконец-то снова посмотрев на него. Он видел, как его лицо отражается в ее слезах. — Правда?

— Я клянусь.

— Ты правда клянешься?

— Клянусь.

Она, казалось, еще не верила ему. Ее рот был открыт.

— Но я думаю, нам нужно немного отдохнуть, прежде чем мы попробуем снова.

Он порылся в карманах и вытащил несколько салфеток, которые ему дали на станции давным-давно. С их помощью он вытер лицо Каэдэ.

— Отдохнуть? — уточнила она. Немного запоздало.

— Да. Я знаю одно замечательное место для отдыха. Пойдем, покажу.

Он повернулся и начал уходить.

— О! Подожди меня! — ответила Каэдэ. Она отпустила телефонный столб и поспешила за ним. Вскоре она вцепилась в его плечо.

Часть 3

Они вернулись домой и как следует вымыли лицо Каэдэ, а затем Сакута позвонил в школу Минагахара.

— Это Сакута Адзусагава из класса 2-1. Я плохо себя чувствую, поэтому возьму выходной, — соврал он и повесил трубку.

Он подождал немного, но, похоже, они не собирались перезванивать, поэтому они с Каэдэ снова вышли около девяти тридцати. Каэдэ сделала шаг в сторону школы, но он остановил ее.

— Сюда, — сказал он, махнув рукой.

Затем он привел ее на станцию Фудзисава.

Это было огромное здание с тремя линиями, проходящими через него. Час пик уже миновал, но народу все еще было многовато. Половина толпы проходила через турникеты, а половина вытекала наружу.

— Здесь так много людей! — сказала Каэдэ, прячась за ним.

Она остановилась на своем пути, но если они не смогут преодолеть это, то никогда не доберутся до места назначения.

— Если ты застрянешь здесь, то никогда не дойдешь до школы, Каэдэ.

— П-правильно! Я смогу!

Каэдэ воспрянула духом и подняла голову. Они купили билеты в автоматах JR и прошли через турникеты. На платформу въехал поезд, серебристый с оранжевыми и зелеными полосами. Это была линия Токайдо.

Сакута и Каэдэ сели в вагон, идущий в Коганей. Сзади были свободные места, поэтому он посадил Каэдэ у окна и сел рядом с ней.

— Мы все еще не в этом "замечательном месте"? — спросила Каэдэ, когда поезд отъехал. Она очень внимательно следила за толпой вокруг себя.

— Не волнуйся, мы скоро будем там.

Вскоре поезд остановился на следующей станции. Станция Офуна, одна остановка вниз по

линии. Некоторые люди выходили, некоторые садились. Прозвенел звонок, двери закрылись, и поезд снова тронулся.

— Еще не приехали?

— Немного дальше.

Следующей остановкой была Тоцука. Сакута и Каэдэ не сошли.

— Все еще не доехали?

— Еще немного.

Затем он остановился на станции Йокогама. И снова Сакута и Каэдэ остались в поезде. Они ехали в нем уже около двадцати минут.

— Сколько еще ехать?

— Хм, не так уж и долго.

Они повторяли это на каждой станции. После Йокогамы поезд останавливался в Кавасаки, Синагаве, Синбаси и Токио. Даже когда они остановились на станции Токио, Сакута и Каэдэ все еще были на борту.

— Ты лжешь мне! — сказала Каэдэ. Она все больше расстраивалась.

— Клянусь, на этот раз мы почти приехали.

— Т-ты не сможешь меня обмануть!

Она сердито надула щеки.

Но на этот раз он действительно говорил серьезно. Они сошли на следующей станции.

— Видишь? Мы здесь.

Он мог видеть платформу через окна. Поезд затормозил, остановившись там, где и должен был. Двери открылись. Сакута и Каэдэ вышли. Прямо перед ними была табличка с названием станции.

«Уэно»

Сакута и Каэдэ высадились на большой станции в токийском районе Тайто — здании, где смешались старое и новое. Он находился в восточной части Токио, в окружении университетов, художественных галерей и музеев. До Асакусы, где находится знаменитый Каминаримон, можно было дойти пешком. Был ясный день, и вдалеке можно было легко разглядеть “Небесное древо”.

Но они пришли сюда не ради этого. Выйдя за ворота платформы, Сакута пошел по указателям с надписью: «Выход из парка». Это вывело их на северную сторону станции. Перед ними раскинулся парк, как и следовало из таблички, которую они видели ранее.

Они направились внутрь.

— К-куда именно мы идем? — спросила Каэдэ.

Все это было для нее совершенно новой местностью. Она не отпустила его руку с тех пор, как они сели в поезд.

— В одно замечательное место, — уклончиво ответил он.

Он провел ее между Бунка Кайкан и Национальным музеем западного искусства.

Впереди показалась их цель. Предстали парадные ворота.

— Сакута? — спросила Каэдэ, все еще теряясь.

Это было будним утром. Еще не было и одиннадцати утра. Но даже в этот час вокруг было полно людей. Множество групп женщин прогуливались и сплетничали. Каэдэ, казалось, была слишком увлечена толпой, чтобы заметить их цель.

— Посмотри вверх, — сказал он.

Она моргнула, глядя на него. Затем она проследила за его взглядом и повернулась лицом вперед.

— О! — воскликнула она. — Зоопарк?

Удивленная, она прочитала слова на воротах.

— Зоопарк! — повторила она, на этот раз очень взволнованно.

Сакута привел Каэдэ в зоопарк в Уэно. Предположительно, это был первый зоопарк, открытый в Японии.

— Мы в зоопарке, Сакута! — сказала она, дергая его за рукав.

— Я же говорил, что это будет замечательно, так?

Он купил два билета, и они вошли внутрь. Они сразу почувствовали перемену в воздухе.

— Пахнет как Насуно, когда ей нужно принять ванну! — сказала Каэдэ, сверкая глазами.

— Да, точно.

В данный момент все, что они могли видеть, были люди. Парочки студентов, загадочные старики, пришедшие сюда в одиночестве, группы детей с рюкзаками. Сакута и Каэдэ были в форме, но здесь было достаточно школ на экскурсиях, чтобы не выделяться. Женщина на кассе бросила на них сомнительный взгляд, но не стала допытываться.

В нескольких шагах от ворот Каэдэ внезапно остановилась.

— О, — воскликнула она.

— Что? — спросил он, думая, что что-то случилось.

— Панды! — сказала она, сияя в ответ.

Прямо перед ними находился вольер с пандами, о котором гласила огромная вывеска.

— Сакута, панды! У них есть панды! — сказала она, потянув его за руку. — Пойдем!

Прямо к выставке панд. Совершенно не обращая внимания на окружающих. В ее мозгу явно не осталось ничего, кроме желания поскорее увидеть панд. Он никогда не видел Каэдэ такой. Уже одно это заставило его подумать, что поход сюда стоил того.

Она потянула его в здание, где располагалась выставка. Сзади собралась толпа. Две панды в открытом вольере. Их характерный черно-белый мех.

— Панды! Настоящие панды!

Группа только что прошла дальше, так что освободилось место в первом ряду.

Каэдэ перегнулась через перила. Панда проходила мимо так близко, что ее можно было почти потрогать.

— Панда! Ходит!

— Да, она ходит.

Видеть их так близко было впечатляюще. Они были довольно большими.

— Эта панда ест!

Другая панда находилась в задней части вольера и ела бамбук. Ее лапы были раскинуты перед ней, отталкиваясь.

— Она хорошо ест.

Он точно ел. Казалось, они его нисколько не интересовали. Просто делал то, что делал.

— Панды такие большие!

— Ну, они "гигантские".

— И черно-белые!

— Как и зебры.

— Ах! Она только что посмотрела на меня!

Каэдэ помахала рукой. Панда и глазом не моргнула. Она просто продолжала есть.

— Блин, она все еще ест.

— Бамбук не очень питателен, поэтому панде приходится есть большую часть дня, чтобы выжить. Я видел это по телевизору.

— Быть пандой звучит тяжело.

— У каждого свои трудности.

Даже когда они разговаривали, Каэдэ не сводила глаз с панд. Она наблюдала за ними почти час, не проявляя никаких признаков скуки или усталости.

— Панды ели все это время!

Обе панды ели. Одна из них не делала ничего другого все время, пока они стояли здесь. Телевизор явно не врал насчет панд. Но в этот момент желудок Сакуты заурчал.

— Кажется, я тоже проголодалась, — сказала Каэдэ, положив руку на живот.

Был почти полдень. В таком месте, как это, наверное, лучше поесть до прихода толпы.

— Тогда давай перекусим где-нибудь.

За пределами экспозиции панд они пошли по указателям, ища место, где можно перекусить. Они оказались в кафетерии. Там было уже довольно много народу.

Он немного волновался, что Каэдэ не выдержит и не сможет получить еду, но его опасения оказались беспочвенными.

Обычно она нервничала в таких местах, но сегодня она просто сопровождала его, как любой другой человек, которого он знал. Возбуждение, вызванное пандами, казалось, слишком вскружило ей голову, чтобы замечать окружающих.

Каэдэ решила заказать «Панда Удон». В этом блюде из тертого батата и грибов шиитаке была сделана морда панды. К нему прилагался кусочек водорослей, на котором была нарисована панда. Очевидно, что панды были звездами парка. Раз уж они так обрадовали Каэдэ, то он захотел такую панду себе домой.

Закончив есть, они обошли весь парк. Здесь было много других животных. Слоны и медведи, львы и тигры, множество птиц. Даже несколько горилл. Они посмотрели на морских львов, тюленей, белых медведей и капибар, а затем поехали на монорельсе в западную часть зоопарка.

Там они полюбовались карликовыми бегемотами и окапи. Наряду с пандами зоопарк называет эти три вида самыми известными видами, находящимися под угрозой исчезновения. Все они были довольно увлекательными существами.

— Мне определенно больше всего нравятся панды, — сказала Каэдэ. Казалось, она потерялась в своих мыслях, но, видимо, она просто боролась с соблазном окапи.

Закончив обход западной стороны, они перешли по мосту обратно на восточную. По дороге они нашли красных панд.

— Сакута, красные панды!

— Определенно красные.

— И такие маленькие!

— Их еще называют малые панды.

— Но такие милые!

Они долго смотрели на красных панд.

Затем они услышали голос другой девочки.

— Смотрите! Красные панды!

Обернувшись, они увидели миниатюрную девочку - подростка, которая цеплялась за руку парня - возможно, ее брата.

— Они действительно кажутся "малыми".

— Как это?

— Они не "гигантские".

— Хм.

Казалось, он отмахнулся от болтовни сестры. Он не был похож на студента - скорее, ему было около двадцати пяти лет. Возможно, у него была работа и все такое. Он постоянно поворачивал голову, как будто искал кого-то.

— Куда она пошла?

— Она все еще не берет трубку? — спросила его сестра.

Парень достал свой телефон и попробовал снова.

— Бесплезно, — сказал он, выглядя побежденным.

— Не могу поверить, что взрослый человек может вот так потеряться.

По какой-то причине сестра улыбулась, как будто это была большая победа.

— И чья это вина?

— Ты должен был присматривать за ней, так что это явно твоя вина.

— Это ты вдруг перестала идти за тем школьным классом!

— Ну, учительница начала махать мне рукой.

— Тебе уже за двадцать, и она действительно думала, что ты в ее классе...

Сакута чуть не зашумел. Он думал, что сестра учится в средней школе, но оказалось, что она уже взрослая. Даже старше его. Но на вид, она была одного возраста с Каэдэ, а то и младше. В мире есть все виды младших сестер.

— Нам придется попросить персонал позвать ее через громкоговоритель, не так ли?

— Не знаю, сделают ли они это для взрослого...

Но даже пока они говорили, громкоговоритель ожил.

— У нас потерялся... взрослый. Рост пять футов три дюйма, длинные волосы, около двадцати лет, при себе имеет альбом для рисования. Если вы ее знаете, подойдите, пожалуйста, на Западную станцию монорельса.

Женщина, дававшая объявление, была явно немного озадачена ситуацией, а посетители неподалеку спрашивали: «Потерявшийся взрослый?». Но вскоре все они решили, что это не имеет значения, и вернулись к осмотру зоопарка.

— Они зовут тебя, — сказала сестра.

— ...Да, зовут.

Выглядев внезапно уставшими, они покинули экспозицию красной панды и направились к станции монорельса.

Когда таинственные брат с сестрой ушли, Сакута и Каэдэ попрощались с красными пандами и отправились на восток.

Немного побродив по садам, они оказались возле сувенирного магазина. Он был забит товарами для животных. В том числе и атрибутикой панд. В большом количестве. В итоге они остановились на мягких игрушках животных. В этом зоопарке было две панды, поэтому они продавали два вида плюшевых панд.

— Я могу обойтись и одной, понимаешь? Просто... им может быть одиноко, если ты не купишь обоих.

— Ладно, ладно.

Кошелек Сакуты определенно терял в весе. А тяжесть на его плечах стала еще больше, потому что вскоре в его рюкзаке было уже две мягкие игрушки панд.

К тому времени, когда они вышли из сувенирного магазина, солнце уже садилось. Небо на западе стало красным. Время было к закрытию.

По пути к выходу Сакута и Каэдэ в последний раз заглянули на выставку панд.

— Панды... все еще едят.

Было непонятно, ели ли они все то время, пока Сакута и Каэдэ смотрели на других животных. Но они сидели на том же самом месте, вытянув ноги. Неужели бамбук действительно так вкусен?

По громкоговорителю объявили, что парк закрывается, и они направились к выходу.

Каэдэ шла очень медленно и все время оборачивалась назад, чтобы посмотреть на здание с пандами. Было видно, что ей не хотелось расставаться.

— Я буду скучать по этим пандам.

— Ты всегда можешь прийти снова.

— Но я могу не... — она запнулась и повесила голову.

Сакута понял, что она имела в виду, что у нее может не быть шанса. И он не мог обещать, что у нее будет шанс. Он не знал, что может случиться.

Поэтому... вместо этого он сказал.

— Вот, это тебе, — и протянул ей билет, который купил по дороге. Это был не обычный билет.

— О... — сказала Каэдэ, осознав это. Она внимательно читала надпись на билете. Там было четко написано: «Годовой абонемент», а в поле имени над зелеными линиями было написано Каэдэ (на хирагане) Азусагава.

— С ним ты сможешь приходить к пандам каждый день.

— Вау! Ты и правда мой брат!

— Разве это когда-нибудь подвергалось сомнениям?

— Но, тогда...

— Мм?

— Я могу прийти сюда снова. Верно?

Она смотрела на него в поисках подтверждения, находясь на грани слез. Вспоминая прежнюю Каэдэ, она боялась, что не всегда сможет быть этой Каэдэ.

Никто не мог винить тебя за то, что ты остаешься собой.

— Конечно! — сказал Сакута.

Пока с ним была нынешняя Каэдэ, он собирался быть ее братом. Он хотел убедиться, что она не боится быть самой собой. Чтобы для нее это было нормально, как и для всех остальных. Он сделает все возможное, чтобы это было правдой.

— Я к тому, что я заплатил за годовой абонемент; тебе лучше не тратить его впустую.

— Если я буду приходить часто, он сам себя окупит!

— Так держать.

— Я знаю!

И Каэдэ прошла через выход с улыбкой на лице.

Часть 4

Каэдэ оставалась взволнованной по дороге домой, даже когда они добрались до станции Фудзисава. Всю обратную дорогу она не переставала говорить о пандах и других животных, о том, какие из них ей нравятся и какие самые милые.

Между их домом и станцией они остановились у круглосуточного магазина. Сакута не совсем понимал, как произошел этот логический скачок, но Каэдэ настаивала, что если основной рацион панд - бамбук, то ее рацион - пудинг, и они должны его купить.

Каэдэ долго думала, какой пудинг она хочет.

— Я-я возьму эти! — сказала она, положив два пудинга в корзину.

Сакута повернулся, чтобы отнести их к кассе, но она остановила его.

— О, подожди! Могу я это сделать?

Не видя причин для отказа, он протянул ей корзинку и купюру в одну тысячу иен.

— В-вот я и иду! — сказала она.

Сакута смотрел, как она несет корзину к входу в магазин. За прилавком стояла девушка студенческого возраста с крашеными в коричневый цвет волосами.

— Я возьму это! — сказала Каэдэ, нервничая. Она поставила корзину на прилавок.

Продавщица быстро просканировала штрих-коды и положила два пудинга в пакет.

Было совершенно очевидно, что Каэдэ это взаимодействие напрягает. Она постоянно ерзала на месте.

Но ей удалось передать деньги и получить сдачу. Она чуть не забыла взять пудинги, и продавщице пришлось окликнуть ее и передать пакет.

— С-спасибо! — сказала Каэдэ, покачивая головой.

— Спасибо, — ответила девушка с улыбкой.

Очевидно, это было очень неловко, поэтому Каэдэ повернулась и поспешила обратно к Сакуте.

— Я-я сходила за покупками! — сказала она.

— Чуть не забыла свой пудинг.

— Хорошо, что продавщица была милой.

Должно быть, она услышала их, потому что начала смеяться. Что же она подумала об этой ситуации? По крайней мере, они не были похожи на ее обычных покупателей.

Но это не был неприятный смех. Скорее, она увидела что-то очаровательное и не могла не улыбнуться.

Каэдэ протянула ему сдачу, когда они уходили.

— Мне нести пудинг? — спросил он, протягивая руку.

Каэдэ извернулась, пряча пудинг за спину.

— Я купила пудинг, поэтому я понесу его.

У нее было очень хорошее настроение. Она то и дело заглядывала в сумку и ухмылялась.

Успешная покупка, должно быть, доставляла ей истинное удовольствие.

Недалеко от магазина был мост, перекинутый через реку Сакаи. Если следовать по течению этой реки, то она проходила недалеко от Эносимы.

Обычно после моста они поворачивали налево, но Сакута продолжал идти прямо.

— Сакута, мы живем в той стороне, — Каэдэ указала.

— Я знаю короткий путь, — ответил он, солгав сквозь зубы. Он не остановился.

— Я и не знала, что в этой стороне есть короткий путь! — Каэдэ ничего не заподозрила.

— Тебе еще многое предстоит узнать о нашем районе.

— Но ты все знаешь?

— Я эксперт.

— Потрясающе.

Чем дальше они шли, тем больше было домов. Ночная тишина усиливалась по мере удаления от станции. Но все равно было слышно, как вдалеке проезжают машины, а в жилых комплексах светились фонари, так что темно не было никогда.

Пройдя пять минут, они свернули за угол и оказались у больших ворот.

— Ха? — удивленно воскликнула Каэдэ. — С-Сакута! Это?..

За воротами виднелась спортивная площадка. Футбольные ворота сверкали белым в свете уличных фонарей. А за полем возвышалось трехэтажное здание.

Сакута привел Каэдэ к ее средней школе. Той самой, куда она отчаянно пыталась попасть всю неделю.

Свет был погашен, и все было окутано тишиной ночи. Как будто сама школа спала.

— Ш-школа!

— Уже довольно поздно, так что давай потише.

— Ах! — Каэдэ прикрыла рот рукой.

Он бросил на нее косой взгляд, затем потянулся к воротам. Он сильно потянул их, но они не сдвинулись с места. Впрочем, они были не очень высокими, так что их можно было легко перемахнуть.

— Окей, — пробурчал он, заходя внутрь.

— М-мы не можем!

— Давай, — сказал он, протягивая руку.

— Н-ни за что!

— Мы просто заглянем.

— ...Просто...

— Просто что?

— Только на минутку.

Ей определенно нужно было подумать об этом секунду, но в конце концов она взяла его за руку. Ее желание зайти внутрь победило мысль о том, что это против правил. Сакута помог ей перелезть через забор.

Каэдэ приземлилась в школьном дворе на обе ноги, держа свои пудинги в безопасности.

— ...

— Твой первый день в школе.

— Моя первая ночь в школе.

— Воу, ночная школа звучит грязновато, — пошутил он и начал идти к зданию школы.

Каэдэ последовала за ним, крутя головой во все стороны.

Похоже, что классы третьегодок находились на первом этаже, над спортивной площадкой. Взглянув на стену у доски, он не смог разобрать, какой это класс, но отчетливо увидел надпись «третий год». Очевидно, в этой школе младшим приходилось подниматься повыше.

— О, это класс 3-1, — сказал он, наконец найдя табличку сзади.

— Это мой класс?

Более тридцати парт и стульев. Доска, покрытая меловой пылью. Подиум, расположенный под углом. Каэдэ прислонила руки к стеклу, разглядывая все это. Естественно, в темном помещении никого не было.

Минута или две... может быть, дольше. Она стояла в тишине, вглядываясь в комнату.

— Сакута, — тихо сказала она.

— Мм?

— Я бы хотела приходить сюда днем.

— Теперь, когда ты покорила ночную школу, у тебя не будет проблем.

— Т-ты думаешь?

— В смысле, призраки выходят ночью. Так гораздо страшнее.

— Призраки?! — Каэдэ издала пронзительный крик.

— Мм? Я только что видел, как что-то двигалось? — сказал он, преувеличенно внимательно разглядывая окна. В конце концов, это был шанс немного завести ее.

— Что?! О нет, там что-то длинное и белое! — вскрикнула Каэдэ, показывая пальцем.

— Да, это занавеска.

— Это может быть призрак! Я усвоила урок. Больше никаких ночных школ! Нам пора идти.

Она начала тянуть его за руку.

— Да, наверное, пора.

Он позволил ей тащить себя через центр поля.

Вернувшись к передним воротам, они снова перелезли через них.

Каэдэ еще некоторое время держалась за Сакуту, но, как только они увидели свой дом, она отпустила его.

— Сакута.

— Что?

— Теперь я могу ставить кружочки рядом со всеми пунктами в моей тетради!

— О, уже? Ого.

— Панды, пудинг и школа были последними!

— Ну, мы должны отпраздновать.

— Да! Но я думаю, что отмечу школу треугольником.

— Я думаю, круг будет в самый раз.

Каэдэ покачала головой.

— Только когда я доберусь туда при дневном свете.

— Хорошо.

— Но я чувствую, что смогу это сделать.

— Мм?

— Думаю, завтра я смогу пойти в школу при дневном свете!

Сакута не был уверен, на каком основании это было сказано. Но...

— Да, — сказал он. Это казалось естественным ответом.

— Не могу дождаться завтрашнего дня!

Каэдэ улыбнулась с максимальной уверенностью, и Сакута поверил в нее.

— Завтра будет здорово! — сказала Каэдэ, ее улыбка сверкала под ночным небом.

Завтра будет хороший день.

Именно об этом говорила ему ее улыбка.

Часть 5

Что-то щекотало ему рот.

Как будто кто-то гладил его мягкой щеткой.

Не успел он это осознать, как что-то лизнуло его переносицу.

— Мяу.

Ворчливый крик проник в его дремоту. Это была Насуно.

Сакута приоткрыл глаза и с ужасом уставился на трехцветную кошку.

— Ты голодна?

— Мрмяу.

Насуно стояла у него на груди.

— Который час?

Борясь с желанием вернуться в постель, он потянулся к часам.

Они показывали половину седьмого. Уже утро. Его сознание начало проясняться. Он открыл глаза.

Солнечный свет сквозь занавески говорил о том, что уже утро.

Сакута пошевелился, чтобы встать, и Насуно поспешно спрыгнула на кровать. Спустя мгновение Сакута сел.

Обычно Каэдэ уже была здесь, чтобы разбудить его, но ее не было видно. Не было видно и того, что она зарылась под его одеяло. В квартире было до странного тихо.

— Может, она опять застряла в постели из-за боли в мышцах?

Вчера они бегали по всему зоопарку. Возможно, это сказалось на ней. Он вспомнил, как несколько недель назад их поездка на пляж полностью выбила ее из колеи.

Вспомнив, какой слабой она была, Сакута вышел из своей комнаты.

Он умылся и приготовил завтрак. Он опаздывал, поэтому завтрак состоял из тостов, йогурта и

нарезанных помидоров с глазуньей.

Он поставил две тарелки на обеденный стол.

Все это время из комнаты Каэдэ не доносилось ни звука.

— Каэдэ, завтрак готов. Ты можешь встать? — позвал он через дверь.

— ...

Нет ответа.

У него не было выбора.

— Вхожу, — сказал он, открывая дверь и входя в комнату Каэдэ.

— Хррр... Хррр...

Она крепко спала. Блаженно дремала.

В своей обычной пижаме с пандой.

По обе стороны от нее лежали плюшевые панды, которые они купили в зоопарке. Это было почти похоже на панду и ее детенышей. Эта мысль заставила Сакуту громко рассмеяться.

— Каэдэ, уже утро. Ты собираешься спать весь день?

— Мм? — ворчала она.

Ее брови нахмурились. Недовольный, сонный взгляд.

Но вскоре выражение расслабилось.

— Мм, — простионала она снова, и ее глаза открылись.

Она села. Мышечной боли не было. Она просидела с вытянутыми ногами целых пять секунд, а потом сказала.

— Утречка.

Она потерла глаза и посмотрела на него.

Казалось, она действительно не в себе.

— ...

Что-то в этом ответе казалось неправильным. Разве Каэдэ когда-нибудь говорила "Утречка"? Обычно она говорила: "Доброе утро!".

По мере того, как эта мысль эхом отдавалась в его голове, он начал замечать все больше нарушений.

Что-то было не так. Что-то не так.

В его голове раздался тихий свисток тревоги. Все громче. И когда это произошло, на ее лице появилась хмурая гримаса.

— Э?.. — сказала она, моргая. — Ты ведь Сакута, верно?

Почему она спросила об этом?

— ...Да, — ответил он.

Почему он так ответил?

Сомнение, растущее в его сознании, внезапно вспыхнуло, и его сердце пропустило удар. Потом два, потом три, пульс участился.

— Ты отрастил волосы?

Каэдэ была прямо перед ним, но казалась, что она так далеко.

— Это не происходит за одну ночь, — сказал он.

Он слышал свой собственный голос, но казалось, что говорит кто-то другой.

— А? Но... — жалобно промолвила она. Как будто это не имело смысла. Это был слегка испорченный ответ.

У Сакуты уже был ответ. Он просто не мог подобрать слов.

— Э-э, Каэдэ...

— Что?

— Ты?.. — остальное застряло у него в горле.

— Выкладывай уже, — сказала она, пытаясь встать. — Ух, мои ноги меня убивают.

— Ты вчера много бегала по зоопарку.

— Зоопарк? — она моргнула. — Мы не ходили в зоопарк. Что с тобой?

Она подняла на него глаза, выглядя обеспокоенной.

— Мы ходили, хотя...

— Мы не ходили. Я имею в виду, вчера... Что мы вчера делали?

Она остановилась, задумавшись. Ничего не приходило на ум, и этот факт, казалось, удивил ее.

— Значит, ты не помнишь, — сказал он сухим хриплым голосом.

— ?.. — Каэдэ наклонила голову, совершенно растерявшись.

— Ты вся сияла из-за панд. Мы купили эти мягкие игрушки.

Они лежали на кровати. Каэдэ взяла одну из них в руки.

— О, они милые. И что насчет них? — спросила она.

— ...

Не было необходимости продолжать это.

— Подожди, а что это за комната? Разве моя комната всегда была такой?

Это было не просто "не так". Она была совсем другой. Это была не Каэдэ.

Он не мог остановить себя, чтобы спросить.

— Значит, ты... Каэдэ? — Он имел в виду свою прежнюю сестру.

— А кем же еще я могу быть? Что на тебя нашло?

Слабая улыбка, словно ее щекотали. Улыбка, которую он не видел с тех пор, как они потеряли прежнюю Каэдэ.

Его учащенное сердцебиение вскоре успокоилось.

Он не был удивлен или взволнован. Все происходило очень быстро, но ему удалось не растеряться перед ней.

Но все его тело ощущалось странно. Как будто его глаза заволочло туманом. Как будто все было очень далеко.

Это была единственная разница. Сама голова была ясной.

— Подожди минутку, — сказал он.

Он вышел из комнаты Каэдэ и позвонил отцу.

— В чем дело, Сакута? — ответил отец.

— К Каэдэ вернулись воспоминания.

Наступило долгое молчание.

— Ты уверен? — спросил он наконец.

— Вполне уверен. Не думаю, что я не смог бы узнать ее.

— Хорошо.

— Я собираюсь отвезти ее в больницу. Ты сможешь приехать?

— Понял. Ту же самую?

— Угу.

— Тогда увидимся там. Позаботишься о ней за меня?

— Конечно.

Весь разговор был очень спокойным.

Никто из них не проявлял никаких эмоций.

Они повесили трубки, и Сакута снова взял трубку. Ему нужно было сообщить в больницу, что они уже едут.

Он объяснил, в каком она состоянии, и что хотел бы, чтобы они осмотрели ее. Они сказали, что будут готовы.

Затем он сделал последний звонок. Диспетчеру такси.

Когда они приехали в больницу, их ждали те же психиатр и невролог.

После первичного осмотра они сказали, что ей придется остаться на несколько дней, чтобы провести более подробные тесты.

Сакута ожидал этого.

— Хорошо, — сказал он, кивнув.

Сидящая рядом с ним Каэдэ, казалось, все еще не могла разобраться в ситуации. На ее лице было выражение вечного удивления.

Казалось, она не понимала, почему находится в больнице и зачем проводят все эти анализы.

Когда приехал их отец, врач объяснил.

— Похоже, она не помнит ничего из того, что произошло, пока у нее была амнезия. Сейчас она, похоже, не осознает этого, но я полагаю, что со временем отсутствующие воспоминания приведут ее в замешательство. Возможно, будет лучше оставить ее здесь, пока все не уляжется.

Их отец склонил голову.

— Пожалуйста, сделайте это, — сказал он. Сакута механически последовал его примеру. Все по-прежнему казалось отстраненным от него самого. Ничто из этого не казалось реальным.

После того как был проведен первичный осмотр и несколько основных анализов, Каэдэ отвели в ее комнату, чтобы она подождала.

Когда Сакута и их отец закончили разговор с врачами и догнали ее, она выглядела встревоженной. Она все еще не понимала, зачем она здесь.

— Со мной все в порядке, — сказала она, надувшись.

— Она действительно Каэдэ, — голос отца дрогнул. Прошло два года с тех пор, как он видел свою дочь.

Он был вынужден хранить свою любовь к ней, и теперь она бушевала в нем. Два года он ждал этого дня, верил, что он настанет... и вот, наконец, он настал.

— П-папа? Что случилось?

Сакута поднял голову, в глазах отца стояли слезы.

— Нет, это просто...

Но отрицать этого было нельзя.

Его плечи дрожали. Он плакал от радости.

— Ч-что вообще происходит? Это так неловко... — сказала Каэдэ.

— Да, — ответил их отец. Он попытался подавить смех, но не смог.

— Аргх, — сказала Каэдэ, выглядя еще более потерянно.

Два года отец не видел свою дочь, а Сакута просто стоял и смотрел. Ему все еще казалось, что все это происходит в каком-то далеком месте. Как будто это не было реальностью. Как будто он смотрел старый фильм.

К Каэдэ вернулись воспоминания, но он не мог радоваться этому факту так, как его отец. Он

видел причины для радости и знал, что это счастливое событие, но ожидаемые эмоции не всплывали. Они не выходили наружу. Они цеплялись за что-то огромное, таящееся внутри него. Что-то, что втягивало и поглощало их.

И чем бы ни было это нечто, оно становилось все больше и больше. Угрожая выплеснуться из него.

И как только он осознал это, он почувствовал жар, нарастающий за глазами. Колющее ощущение на кончике носа. Из его горла едва не вырвался всхлип. Что-то внутри кричало ему, чтобы он поторопился. Кричало, чтобы он убирался отсюда.

— Пойду в туалет, — сделав отрывистое замечание, он оказался в коридоре прежде, чем отец или Каэдэ успели ответить.

И, прежде чем закрылась дверь, он уже бежал по коридору. Его шаг становился все быстрее и быстрее, и на полпути по коридору он перешел на бег. К моменту выхода из больницы он бежал так быстро, как только мог.

Медсестра пыталась кричать ему вслед, но он ее не слышал.

Сначала он был рад, что к нему вернулась прежняя Каэдэ. Он почувствовал это, когда увидел, как счастлив его отец. Но эти чувства были оттеснены и сметены огромной волной, поднявшейся вслед за ними.

Позволить этой новой волне подняться в больничной палате, на глазах у Каэдэ и его отца? Он был уверен, что ничем хорошим это не закончится.

Его эмоции наконец-то догнали происходящее. И чувство потери поглощало все остальное. Словно чудовище, широко раскрыв пасть, поглощало все на своем пути.

От него невозможно было убежать. Оно было внутри него. Но он все равно бежал. Это было все, что он мог сделать.

Вскоре тьма настигла его.

— Аргх...

Покидая территорию больницы, Сакута схватился за грудь, приседая.

— Аргхххххх!..

Он не мог выразить эти эмоции словами. Он не мог, но если он не выплеснет их, то почему-то казалось, что его голова взорвется.

Все, что он мог видеть, это землю и свои собственные ноги. Он отчаянно пытался сдержать слезы, но вокруг него уже падали крупные капли. Только тогда он заметил, что идет очень сильный дождь.

— Мы обещали, что снова пойдем посмотреть на панд! — крикнул он так громко, что казалось, будто у него чуть не разорвалось горло. — Ты сказала, что будешь ходить так часто, что абонемент сам себя окупит.

Он выплескивал все, что бушевало внутри.

— Ты сказала, что думаешь, что завтра наконец-то доберешься до школы. Ты сказала... что...

Слова рассыпались. Его голос трещал. Его сердце разрывалось на части.

— Это то, что ты сказала, Каэдэ!

Дождь хлестал его по спине, но он не чувствовал его. Он чувствовал только одно. Единственную, обжигающую боль.

— Оуууу...

Его рука схватилась за грудь.

Было больно. Безмерно больно.

Он посмотрел вниз, и что-то красное просочилось сквозь его футболку.

— ...

Его пальцы стали красными.

Его футболка была испачкана красным изнутри.

— ...Черт побери, — пробормотал он.

Такая простая вещь, которую можно сказать перед лицом этого необъяснимого события. Ни боли, ни удивления.

— Черт побери, — повторил он.

Красное пятно неуклонно распространялось.

Он не знал, какого черта это происходит, но он уже видел, как это происходит. Это был «Подростковый синдром», который потревожил его два года назад.

Логически он понимал, что сейчас происходит то же самое. И именно поэтому его реакцией было явное раздражение. Этот факт лишь делал его злее.

Почему именно сейчас? Из всех моментов, когда можно было вернуться, зачем вставать на его пути именно сейчас?

— Черт побери...

Это должно было вызвать более сильные эмоции, но они вырывались с трудом. Его тело просто не выдерживало. Эмоции, не имевшие выхода, беспомощно утихали.

Все, что он мог сделать, это скрючиться, не в силах стоять, как будто он забыл, как двигаться.

— Какого черта... почему так?! Почему сейчас?!

Эти вопросы, без сомнения, были адресованы себе, своим собственным недостаткам.

От ругани с самим собой грудь болела еще сильнее. Болела, болела и болела, пока он не начал путать лево и право. Он даже не мог поднять голову. Все, что он мог делать, это смотреть, как капли дождя брызжут на тротуар.

Затем в поле его зрения попала пара туфель. Маленькие ступни. Не мужские — это была девушка.

— С тобой все будет хорошо.

Сознание Сакуты угасало, но он уловил ее голос.

— С тобой все будет хорошо.

Он услышал его снова. Это было не воображение.

Он двинулся, как будто управляемый этим голосом, подняв голову. Он чувствовал, что должен

был это сделать. Голос девушки обладал такой силой.

Не обращая внимания на мокрую землю, она присела рядом с Сакутой. Положив руку ему на плечи, она заглянула ему в лицо.

— Все будет хорошо.

Он знал ее лицо.

— ...

Он больше не мог думать. Он понятия не имел, что происходит. Только одна вещь всплыла из хаоса в его голове.

Ее имя.

Прошло так много времени. Но ее имя все еще имело для него большое значение.

И словно ребенок, который только что научился читать, он произнес ее имя вслух.

— Сёко.

Она улыбнулась ему.

— Да. Это я. Пока я рядом, тебе не о чем волноваться.

Часть 6

Он слышал шум дождя.

Падающего где-то далеко.

Нет, это казалось далеким только потому, что он был внутри, а окно было закрыто.

Он знал эту комнату. Конечно, знал. Сакута был в своей собственной комнате.

Сидел на краю кровати, на которой всегда спал.

Шторы были открыты. Снаружи шел сильный дождь. Его шум только подчеркивал, как тихо было внутри.

Его комната была словно отрезана от остального мира. Все звуки казались далекими.

С этой мыслью до Сакуты наконец-то дошло, что он дома.

— Почему я?..

Его вопрос был прерван стуком.

Даже из-за дождя на улице этот звук прозвучал громко и отчетливо.

— Ты уже переоделся?

За стуком последовал мягкий голос. В нем чувствовалось знакомое тепло. Просто услышав этот голос, ему захотелось заплакать.

Но слезы не шли. Его слезные протоки вообще никак не реагировали.

— Ты не отвечаешь, поэтому я вхожу. Если ты в нижнем белье, то это твоя собственная вина.

Дверь приоткрылась, и Сёко просунула голову внутрь.

— Почему ты ещё не переоделся? — сказала она, открывая дверь до конца.

Увидев ее, Сакута наконец вспомнил, как он сюда попал. Сёко появилась из ниоткуда и отвела его домой.

Она сняла с него промокшие ботинки и носки, а затем втолкнула его в комнату, приказав переодеть оставшиеся сырые вещи.

Но как только он остался один в своей комнате, его перестало что-либо волновать. Он опустился на край кровати, неспособный найти в себе силы пошевелиться.

— Ты простудишься!

Она обернула полотенце вокруг его головы и использовала его, чтобы высушить его волосы, будучи немного грубой с ним.

— Хорошо, поднимай руки.

Он сделал, как ему было сказано. Она стянула с него футболку с длинными рукавами. Боль пронзила его грудь. Футболка, которую она только что сорвала, прилипла к засохшей крови на его груди.

Три следа от когтей на его груди.

Они выглядели как обесцвеченные рубцы, которые еще не зажили. Хотя теперь они были испачканы засохшей кровью. Как и футболка с длинными рукавами. Она была насквозь пропитана его кровью.

У него было так много вопросов. Если его раны не открылись, почему появилось столько крови? Достаточно, чтобы окрасить его одежду в красный цвет? Почему прекратилось таинственное кровотечение? Если боль была настоящей, то почему сейчас он в порядке?

И больше всего вопросов у него было к Сёко.

Сёко, рывшаяся в его шкафу, была не той Сёко Макинохарой, с которой он познакомился этим летом.

Это была Сёко, которую он встретил на пляже Шичиригахамы два года назад. И, насколько он мог судить, за это время она постарела на два года.

Все в этой ситуации было мистическим. Загадочным. Сбивающим с толку.

Но даже когда вопросы кружились вокруг него, Сакута чувствовал, что не хочет знать ответы.

Его это даже не волновало.

Единственное, что его волновало, это Каэдэ, которую он потерял.

Эта потеря была настолько ошеломляющей, что все остальное казалось неважным.

События вокруг него казались далекими и туманными. Как будто над всем стоял туман.

За этим туманом Сёко повернулась к нему, доставая из шкафа сменную одежду. Новая футболка с длинными рукавами и штаны от спортивного костюма, который он носил по дому. Даже пара нижнего белья.

— Думаю, ванна почти готова. Тебе лучше залезть туда.

Сёко подошла к нему.

Когда он поднял голову, она схватила его за руки и с силой потянула, пытаясь поднять на ноги.

Он не видел смысла бороться с ней, поэтому позволил ей победить.

Сёко обошла его сзади и подтолкнула в раздевалку.

— Тебе нужно, чтобы я сняла с тебя штаны и нижнее белье?

Это прозвучало почти как серьезный вопрос.

— Я справлюсь.

Он не мог отвлекаться на размышления.

Носки и рубашка были уже сняты, и он бросил остальную одежду на пол. Сёко все еще была здесь, она что-то говорила, но он не обращал на нее внимания.

Она что-то проворчала, но он уже отошел от нее и шагнул в ванную, закрыв за собой дверь.

— Б-боже, никто не хотел это видеть! Я положу твою свежую одежду здесь.

Сёко стояла по другую сторону мутной стеклянной двери. Из-за чего она так разволновалась?

Он зачерпнул немного воды из ванны и вылил ее себе на голову. Его раны на груди явно затянулись. Они совсем не жгли.

Когда он погрузился в воду, ему показалось, что к телу вернулись какие-то ощущения.

Некоторое время он смотрел в потолок.

Затем он неосознанно произнес.

— Сёко.

Он понял, что она все еще в раздевалке.

— Да? — спросила она.

— Я... ничего не смог сделать.

Никаких эмоций в его голосе.

— Это неправда.

— Но Каэдэ...

Он просто сказал правду.

— Ты отлично справился, Сакута.

— Сёко, откуда тебе знать?

Эти слова были лишь звуками. За ними не было ни чувств, ни силы. Они вышли плоскими, полностью противоположными теплоте в тоне Сёко. Это не было похоже на его голос. Но это точно был голос Сакуты.

— Я знаю, ты чувствуешь сожаление, потому что думаешь, что мог бы сделать для Каэдэ больше.

— ...

— Я все знаю, — сказала она.

Она часто говорила подобные вещи. Он вспомнил эту ее черту и подумал, что это смешно, но он не смеялся. Он был не в настроении. Зияющая дыра внутри него все еще поглощала все это. Внутри не осталось ничего, кроме сухого ветра. Пустой звук, который он издавал, отдавался в нем эхом.

— Каэдэ когда-нибудь вела себя так, будто ты сделал что-то не так?

— ...

— Она вела себя так, будто обожает тебя, Сакута.

Голос Сёко был таким теплым. В нем слышалось ее сердце.

— ...Возможно, я мог бы сделать больше.

Не успел он это осознать, как боль внутри него выплеснулась наружу. Он выплюнул эти слова, словно накладывая на себя проклятие.

— Ты должен будешь сделать это при следующей возможности.

— Но у Каэдэ не будет другой возможности.

— Если ты будешь продолжать в том же духе, мне станет ее жаль.

— ...

— Она сделала все возможное, чтобы у тебя не осталось никаких сожалений.

— ...

Он не мог понять, что она имела в виду. Что она вообще имела в виду, говоря о следующей возможности?

— Каэдэ пыталась убедиться, что ты знаешь, что она счастлива быть с тобой.

— ...

— Мне жаль Каэдэ, если эти чувства не дошли до тебя.

Контур Сёко в помутневшем стекле стал более отчетливым.

Затем он уменьшился до половины высоты.

Она присела за дверь ванной.

Он разглядел что-то в руке ее силуэта. Оно было квадратным. Сёко открыла его, как книгу.

— Сегодня я начинаю вести дневник. Дневник Каэдэ. Сакута дал мне новое имя, на хирагане. Он купил мне и эту тетрадь.

Сёко явно читала что-то вслух.

Сакута точно знал, что это было. Тетрадь, которую он подарил Каэдэ. Толстый том, который она использовала как дневник, набивая его своими мыслями.

Но он понятия не имел, что она там написала.

Сёко начала тихо читать дальше.

У меня есть папа, мама и брат.

Но я их не знаю.

Мне сказали, что у меня нет воспоминаний.

Доктор сказал, что это амнезия, вызванная «диссоциативным расстройством».

Я не знаю, что это значит.

Мне сказали, что раньше я была кем-то другим.

Другой Каэдэ. Прежней Каэдэ.

Но я не знаю ту Каэдэ.

Я никогда не встречала ее.

Это так тяжело.

Сегодня мама и доктор много разговаривали.

Говорили о моей болезни.

Я больна?

У меня нет температуры.

Я не кашляю.

У меня не течет нос.

Я чувствую себя хорошо.

Но мама продолжает спрашивать доктора, когда мне станет лучше.

И это больно.

Что со мной будет, если воспоминания другой Каэдэ вернуться?

Стану ли я ею?

Куда я попаду?

Думать об этом страшно и заставляет меня хотеть плакать.

Мама и папа выглядят очень несчастными.

Они всегда гладят меня по голове и говорят: "Не торопись".

Но я не понимаю.

Я - это я. Я не она.

Мне стало грустно, и я много плакала.

Я сказала что-то очень плохое.

Я сказала маме и папе, что не хочу быть с ними.

Мне очень жаль.

Но я не та Каэдэ, и это больно.

Больно, когда я вижу, как они ищут ее.

Я собираюсь переехать.

В другой город. В место под названием Фудзисава.

Сакута сказал, что это близко к Эносиме.

Сегодня мы готовимся к переезду.

Сакута сказал, что я должна выбрать, что я хочу взять с собой.

Я не знаю, что делать с вещами в комнате Каэдэ.

Кровать, стол и подушки очень милые. Они мне нравятся, но я не смогу чувствовать, будто это моя комната, рядом с ними.

Я решила взять только книги и книжную полку.

Там много книг того же автора, написавшего повесть, которую Сакута купил мне. Я хочу их прочитать.

Коллекция книг Каэдэ. Их очень много.

Насуно мы забираем с собой!

Мы в новом доме.

У меня новая комната.

Кровать, стол, подушки и шторы — все это я выбрала, просматривая каталог вместе с Сакутой. Он купил все это для меня.

Я решила, что здесь я стану лучшей младшей сестрой.

Я постараюсь стать младшей сестрой Сакуты по-настоящему.

Я не знаю, сколько времени это займет.

Думаю, в конце концов, я стану лучше.

А выздоровление означает, что Каэдэ вернется.

Именно Сакута сделал из меня Каэдэ. Так что в этом новом доме я стану для него лучшей младшей сестрой, какой только смогу быть.

Весной Сакута станет старшеклассником.

Он будет учиться в школе под названием Минагахара.

Он сказал, что из окон школы виден океан.

Я бы хотела пойти посмотреть на него.

Но я боюсь выходить на улицу.

Мне кажется, что все злятся на меня за то, что я не прежняя Каэдэ, и это пугает.

Страшно, что на меня смотрят как на фальшивку.

Разве я не могу просто быть собой?

Сакута приготовил ужин.

Он был не очень вкусным.

Но я всё равно сказала, что было вкусно.

Сакута сказал: "Это ужасно!"

Сакута стал лучше готовить.

Он так быстро становится лучше, что почти слышно, как он проносится мимо.

Он сказал, что секрет в том, чтобы следовать рецепту.

Сакута нашел работу.

Теперь он приходит домой очень поздно.

Дома одиноко, но мы с Насуно можем вместе охранять дом.

Сакута использовал свою первую зарплату, чтобы купить DVD о пандах.

Панды — это здорово. Они делают все вокруг лучше.

Сакута привел домой профессионалку.

Я стараюсь быть понимающей сестрой и закрывать глаза на такие вещи.

Она была очень красивой.

У Сакуты теперь есть девушка!

Я не верю!

Но это правда!

Я все еще не верю!

Это профессионалка... то есть, девушка с того дня. Ее зовут Май Сакурадзима.

Она даже красивее, чем я думала.

Я беспокоюсь, что она обманывает его.

Я читала книгу о любовных ловушках, так что я очень волнуюсь.

Май очень милая.

Ее показывают по телевизору, и она очень популярна.

Это потрясающе. Я бы никогда так не смогла.

Она действительно удивительная.

Она дала мне немного одежды.

Подруга Сакуты сейчас живет у нас.

Рио Футаба.

У нее очень большая грудь.

Я бы хотела, чтобы она поделилась со мною чу-чуть.

Рио говорит, что хотела бы быть такой же высокой, как я.

Мы можем обменяться?

Я слишком высокая для младшей сестры.

Сакута стал правонарушителем!

Вообще-то, это было недоразумение.

Нодока - младшая сестра Май.

Она такая ослепительная.

Настоящий идол!

Она очень мила со мной.

В последнее время мне часто снятся сны.

Сны, в которых я маленькая и играю с маленьким Сакутой.

Рисую картинки, играю в домик.

Но я не делала этого.

Я никогда не была маленькой.

Я знаю только взрослого Сакуту.

Одно я знаю точно.

Сакута о многом жалеет.

О другой Каэдэ.

Он сожалеет, что не смог помочь ей, когда она страдала и над ней издевались.

Он никогда не говорил мне об этом, но все я понимаю.

Если бы я исчезла, я знаю, что он бы сожалел. Он бы чувствовал, что ничего не сделал для меня.

Поэтому я поставила перед собой много целей.

Целей, которые мы можем достичь вместе.

Я не хочу, чтобы он сожалел, если меня не станет.

Я хочу, чтобы он гордился тем, что осуществил мою мечту.

Я хочу, чтобы у него осталось много веселых, счастливых, полных смеха воспоминаний. А не грустных.

Мне бы хотелось, чтобы он вспоминал меня с улыбкой, даже когда меня не станет.

Я собираюсь приложить все усилия, чтобы это произошло.

У меня синяк на руке.

Я уже видела такой синяк раньше.

Сакута беспокоится, поэтому я надеюсь, что он скоро заживет.

Кому-то внутри меня очень страшно.

Как будто они плачут, потому что боятся выйти наружу.

Но все в порядке.

Сакута здесь, и все будет хорошо.

Океан был очень большим.

Волны были громкими!

Онигири, которые приготовила Май, были очень вкусными.

Сакута тоже веселился, так что я была очень счастлива.

Я надеюсь, что мы все снова сможем пойти на пляж.

Я очнулась в больнице.

Видимо, я внезапно упала и не смогла проснуться.

Они сделали много анализов. Судя по всему, я здорова.

Но Сакута выглядит не очень хорошо.

Он смотрит на меня очень грустно.

Я думаю, мне осталось недолго.

Мне страшно.

Каждую ночь мне снятся сны.

Я знаю, что это значит.

Это воспоминания Каэдэ.

Вот почему мне страшно.

Я не знаю, как долго я еще смогу быть собой.

Я не знаю, смогу ли я поставить кружочки у всех своих целей.

Мне страшно, что я оставлю Сакуту с сожалением.

Пожалуйста.

Мне просто нужно еще немного времени.

Я хочу, чтобы Сакута улыбался, вспоминая меня.

Я хочу, чтобы все его воспоминания были наполнены смехом.

Поэтому мне нужно еще немного времени.

Благодаря Сакуте, я успела поставить кружочки у многих целей!

С цветочками!

Мне было слишком страшно выходить на улицу, но теперь я могу это делать.

Мы пошли к дому Май.

Я каталась на поезде.

Мы играли на пляже.

У нас был пикник!

Я видела панд!

Мы немного схитрили, но я сходила в школу!

Все благодаря помощи Сакуты.

Сакута сделал меня очень счастливой.

Я счастлива, что могу быть младшей сестрой Сакуты.

Я люблю его сейчас, завтра и навсегда!

Завтра мы пойдем в школу при дневном свете.

Он не мог остановить текущие слезы. Сакута свернулся калачиком в ванной и рыдал, как маленький ребенок. Он никак не мог побороть эти чувства.

Его подталкивали внешние силы, которым он не мог противостоять.

Но он все равно пытался сопротивляться.

Он включил душ, пытаясь скрыть рыдания. Он сунул голову под воду, пытаясь вытереть слезы. Но они не останавливались.

Чувства в его груди продолжали набухать.

Чувства, которые оставила ему Каэдэ. Теплые чувства.

— Не нужно держать это в себе.

Это был голос Сёко, доносившийся из-за двери ванной.

Она слышала его всхлипывания, даже когда работал душ.

— Ты идиот, Сакута.

— Я не могу плакать! — бормотал он. Его голос так захлебывался рыданиями, что, наверное, его было не разобрать. Даже он сам не был уверен в том, что сказал. — Она бы не хотела, чтобы я плакал здесь!

Она упорно трудилась ради этого момента.

Делала все возможное, чтобы оставить его с улыбкой.

Она поставила все эти цели, чтобы он ни о чем не сожалел.

Каэдэ так старалась сделать из него хорошего брата, который заботится о своей сестре.

Она сделала из него отличного брата, который исполняет желания своей сестры.

Сакута был уверен, что ему нельзя плакать.

— Каэдэ так много сделала! Я не могу теперь все испортить.

— Да, в этом ты прав, — сказала Сёко.

Ее теплый голос мягко принял его чувства.

— Ты правильно рассуждаешь, Сакута. Но сейчас... тебе можно плакать.

— Но Каэдэ...

— Как цветочные круги в ее тетради, это горе - нечто важное, что она дала тебе. Это доказательство того, как много она значила для тебя.

— !

— Ты ее старший брат, поэтому ты должен справиться со всем этим.

Даже когда Сёко ругала его, она была милой. И в ее голосе тоже были слезы.

— Ух... уах... ах...

Сакута все еще пытался подавить свои рыдания.

— Аааа... аааааа!

Но он больше не мог их сдерживать.

Слова Сёко поразили мягкую часть его сердца с удивительной точностью.

Каэдэ подарила ему это горе.

Это было доказательством тех двух лет, что они прожили вместе.

Эти чувства были вызваны воспоминаниями о ней, впечатанными в его сознание.

И ничто столь важное не могло быть запечатано внутри или отринуто.

— Ааааааааа!

Вода из душа ударила его по голове с такой силой, что стало почти больно. Сакута откинул голову назад, как плачущий ребенок, и громко зарыдал. Он позволил своим эмоциям разгуляться, как им вздумается.

Чтобы он мог продолжать жить с воспоминаниями о Каэдэ.

Чтобы однажды он мог говорить о ней с улыбкой.

Вспоминать о ней с теплотой.

Воспоминание за воспоминанием о времени, проведенном с Каэдэ, проплывали в голове Сакуты, и он плакал, как потерянный ребенок.

Часть 7

Казалось, что в его животе образовалась пустота.

На следующее утро Сакута проснулся от невыносимого голода.

Его желудок издавал очень громкие звуки.

Звуки были настолько громкими, что он проснулся от них.

Он положил одну руку на свой пустой желудок и сел.

Еще одно рычание желудка эхом разнеслось по комнате.

— Похоже, я голоден, — сказал он. Его голос был хриплым. Он застрял в горле.

Причина была наполовину в сильном голоде, а наполовину в том, что накануне он выплакал все глаза.

Он лег спать в таком состоянии, так что его щеки были покрыты высохшими слезами.

Он встал, чтобы умыться. В зеркале над раковиной его глаза, конечно, были опухшими, но в остальном это было его обычное сонное выражение.

Он умыл лицо холодной водой.

Это изгнало последние следы дремоты. Его разум снова был ясен.

Он еще раз взглянул в зеркало.

— Ты выглядишь ужасно, — сказал он вслух. А затем рассмеялся. — И ты безумно голоден.

Яма в его животе не была шуткой. Он искренне считал, что там можно увидеть депрессию. Нечасто он чувствовал себя таким голодным. Вот на что был похож по-настоящему пустой живот.

И это ощущение показалось ему забавным.

Чем больше проходило времени, тем больше он видел в этом шутку. Он громко захихикал. Его плечи тряслись от смеха. Он не мог перестать смеяться. Высохшие слезы на его глазах жгли.

Он не хотел прекращать смеяться. Он не мог.

Неважно, насколько тебе весело, неважно, насколько тебе грустно, неважно, насколько ты воюешь со Вселенной - твои эмоции не имеют значения. Ты все равно остаешься голодным.

И беспомощность его тела сейчас было очень кстати. Сакута был благодарен за это. Это напоминание о повседневной рутине заставило его вспомнить, что такое смех. А как только он начинал смеяться, все переставало иметь значение.

Он не мог вечно заикливаться на этом.

Перестав наконец смеяться, Сакута направился на кухню.

Взяв ломтик хлеба, он откусил огромный кусок, не став поджаривать его, намазывать джемом или маргарином. Он решил наслаждаться естественной сладостью белого хлеба. Сакута никогда не придавал этому значения, но у хлеба был вкус.

Он взял помидор из холодильника, ополоснул его и тут же надкусил. Сочный. Жидкость прошла через его горло, просачиваясь в иссушенное тело.

Сакута быстро поел, поднялся на ноги, затем принял душ и переоделся в свою форму. Это был будний день. Обычная среда. Как всегда, предстояли занятия.

Сёко выставила в ряд три стула, которые были взяты с обеденного стола, и свернувшись калачиком, уснула прямо на них.

Он оставил для нее записку.

— Ушел в школу.

И вышел из дома на целый час раньше.

Он шел один по дороге на улице.

Холодный утренний воздух был приятен.

Как будто он очищал его тело.

Его шаги казались легкими.

Сакута направлялся не в школу.

Первой его остановкой была больница, где находилась Каэдэ.

Часы посещения еще не наступили, но, когда он подошел к посту медсестер, кто-то узнал его и впустил.

Он поклонился и направился к палате Каэдэ.

Он остановился перед дверью и постучал без колебаний.

Дважды.

— В-ходите! — сказала Каэдэ, немного нервничая.

Сакута открыл дверь.

— О, — сказала она, увидев его. Она очень удивилась.

— Утречка.

— О, точно, утречка.

Он закрыл за собой дверь и сел на табурет у кровати.

— Что с тобой вчера случилось? — спросила Каэдэ.

— Мм?

— Ты пошел в туалет и не вернулся.

— У меня была сильнейшая диарея, и теперь мы с этим туалетом лучшие друзья на всю жизнь.

Это было первое оправдание, которое пришло ему в голову. Он не мог сказать ей правду.

— Ух ты, какая гадость.

Она отстранилась от него.

— Что еще более важно, Каэдэ...

— Что?

— Тебе нравятся панды?

— А? С чего вдруг такой вопрос?

— Нравятся?

Она задумалась.

— ...Наверное, да.

— Тогда, когда ты выйдешь, мы должны пойти посмотреть на них.

— Хорошо, но зачем?

— Просто хочу. Ты должна пойти со мной.

— С каких пор тебе нравятся панды?

Каэдэ нахмурилась. Это была новая информация для нее, очевидно.

— Это что-то новенькое.

— Ха.

Она выглядела скептически.

— Разве ты сейчас не в старшей школе?

— Старшеклассникам разрешается любить панд.

— Н-не это. Я имею в виду... вместо того, чтобы заниматься всякими делами с сестрой, разве у тебя не должна быть девушка и ты не должен водить ее на свидания?

Ухмылка, которая проскользнула, показала, что она смеется над ним.

— Я имею в виду, я пойду с тобой. В конце концов, мне жаль тебя.

Она определенно предполагала, что у Сакуты нет девушки.

— Для ясности, у меня есть девушка.

— ...Что?!

Это был очень запоздалый ответ.

— Ты шутишь!

— Неужели это так шокирует?

— Т-ты?! Девушка?!

Очевидно, то, что у Сакуты появилась девушка, было для нее шоком глобального масштаба. Но если она уже так удивилась, значит, у нее проблемы. То, с кем он встречается, будет гораздо большим шоком.

— Я представлю тебя позже. Приготовься.

Никто даже не мог предположить, что их брат может встречаться с Май Сакурадзимой. У нее бы крышу снесло.

— Я не могу поверить, что ты с кем-то встречаешься...

— Мы все еще на этом застряли?

— Я имею в виду...

Сакута разговаривал с ней до тех пор, пока не возникла реальная опасность опоздать в школу. Они болтали ни о чем конкретном, но так и должно было быть. Так общалась семья. Обо всем, что приходило в голову. Братья и сестры, которые могли это делать, все делали правильно.

Они просто проводили время вместе, живя обычной жизнью. От мыслей о нынешней Каэдэ ему все еще хотелось плакать, но, даже несмотря на колючую боль в носу, он знал, что нужно просто жить настоящим, и он справится с этим.

В процессе этого начнется что-то новое.

<http://tl.rulate.ru/book/20190/1909738>